

Экран и сценарий - 1993 - 25 марта - 1 апр. / № 111 - с. 8

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА,

Скромное обаяние интеллигенции

Ах, до чего же мы испорчены! Ведь понимаем, что окончательная истина за понятиями — жизнь, природа, любовь, красота, Бог. А реагируем только на понятия — Ельцин, Хасбулатов, коммунисты, демократы, реформы.

И как ни равнодушна власть к интеллигенции, та все равно пребывает в эйфории. И в очередной раз подавила голодный рык в желудке, воздевает гневные иссохшие кулачки и грозит ими в сторону оппозиции.

А в той оппозиции сегодня не только коммунисты или национал-патриоты. Там еще и солдатики на костылях, и их обезумевшие матери, и нищие старухи, и учителя, и врачи, и многие из них не имеют никакой партийной принадлежности. Спектр, как видите, пестрый. Это, конечно, не означает, что население разочаровалось в самой демократической идее. Идея от неумелости воплощений не становится хуже. Но вот к некоторым носителям ее, жеманящимся в телевизоре, как кинозвезды, отношение, безусловно, изменилось.

Посмотришь на телеэкран, и возникает ощущение, что идет прямая трансляция откуда-нибудь из Венесуэлы. Посмотришь в окно — грязный, унылый, помоечный город, в котором невозможно узнать Москву. Две эти картинки отчаянно не совпадают. Настолько не совпадают, что не утешает даже привычное закливание: потерпите, мол, это переходный период.

А если смотреть на так называемый «переходный период» не в общем, а попытаться разглядеть частности, то можно совсем прийти в уныние. Как-то не верится, что из бесстыдства может произрасти застенчивость, из цинизма — нравственность, из воровства — милосердие. Задумаешься на эту незамысловатую тему и тут же слышишь внутри себя грозный окрик: «А ты чего бы хотел? Сторожевых вышек? Лагерных оврагов? Тотальной слежки?»

Да нет, упаси Бог! Ничего этого я не хочу! Я хочу совсем немногого. Чтобы этот «переходный период» осуществлялся в щадящем нервном режиме. Чтобы власть была чуточку последовательней. Чтобы чиновники чуть меньше воровали. Чтобы было чуть меньше нищих на улице. И чтобы меня не грозили в собственном подъезде. Разве это так уж много?

Да, я голосовал за демократическое устрой-

ство в России, идею, слава Богу, проверенную и осуществленную во многих странах мира. Но выясняется, что при реализации этой идеи в России возникает множество неожиданных сопутствующих обстоятельств, за которые я не голосовал.

Я не голосовал за нищету народонаселения. Я не голосовал за уличные перестрелки. Я не голосовал за детскую проституцию (как, впрочем, и за взрослую). Я не голосовал за тотальное чиновничье воровство. Я не голосовал за антисанитарное состояние Москвы.

Впрочем, народ наш долготерпелив. А интеллигенция необидчива. И чем дольше не замечает ее власть, тем больше в ней великодушия. Зато какой в нас просыпается нерастратный энтузиазм, когда власть, наконец, обращает на нас свое скупое внимание. Делает она это, правда, исключительно по «судьбоносным» дням, то есть когда нуждается в нашей помощи. Но и за это спасибо. Нам ведь многого не надо. Нам достаточно и того, чтобы нас иногда замечали.

Тут уж интеллигенция сама не своя от переполняющих ее чувств. Приосанивается, расправляет затекшие грудки, стряхивает пепел с пиджачков — и айда на митинг. Кто речугу толкнуть, кто воззванице подписать, а кто и просто потусоваться в благородном огне-полымени.

Но сколь мы ни наивны и бескорыстны, а все-таки не настолько, чтобы совсем не хотеть есть. И вот уже толкуются по приемным новой власти сиротливые группки «победителей», желающие напомнить начальству, что интеллигенция тоже, так сказать... э-э... некоторым образом... участвовала в процессах...

А хозяин кабинета, молодой холеный аноним в отутюженном английском костюме, с брезгливым участием смотрит на толпу просителей и... не узнает, не знает он этих «народных» и «заслуженных», припершихся в сегодняшний день из застойного времени и теперь постоянно путающихся у молодежи под ногами. Ну не знает он их, хоть убей, потому что последние несколько лет смотрел только собственный «видак». Причем только американское кино. А там эти «знаменитости» и в эпизодах не мелькали.

«Тоже мне интеллигенция! — тоскливо дума-

ет хозяин кабинета. — Зубы себе вставить не могут. Одеться как следует не в состоянии. А туда же, интеллигенция!»

«Ну, вспомните, — неназойливо поскуливают просители. — На прошлом митинге в вашу, то есть в нашу защиту, я лично вас на трибуну подсаживал. А вот она лично воспламеняла толпу лозунгом «Даешь реформы».

— Якобинцы хреновы! — расстраивается про себя начальник. — Шелупонь поганая! Сейчас башли кланчить будут!

— Нам бы дотацию! — как по заказу мямлит интеллигенция. — Сами понимаете, культура-то гибнет.

Не получается у интеллигенции с новой властью диалога на тему гибнущей культуры. Ну, никак не получается. И тем не менее мы продолжаем испытывать к сегодняшней власти неизъяснимую симпатию, путая с точностью до наоборот идею с персоналиями, взявшимися ее воплощать.

Есть такое понятие «пошлость». Это нечто такое, что затруднялся сформулировать даже Чехов. Мне кажется, пошло быть нищим в богатейшей стране и при этом изображать из себя цвет нации. Пошло призывать голодный и униженный народ потерпеть, если сам живешь в куда более сносных условиях. Пошло, наконец, любить начальство. Чем меньше мы его обожаем, тем меньше мы его растлеваем.

Скажут, ну сегодня момент особый. Российская история это вообще сплошной «особый момент». И сегодняшний момент ничуть не трагичнее предыдущих. Но мы живем именно в этой стране и именно в это время. И нам никуда не деться от реалий страны и времени. Хорошо бы, конечно, не замечать проблем власти так же, как она не замечает наших проблем. Но не заметить власть трудно, ибо она ставит жизнь каждого из нас в прямую зависимость от своей.

Говорят, что сегодня надо защищать Президента. Наверное, надо. Только не самого Президента, а его право напрямую обратиться к народу, ибо выбирал его не кто иной, как народ. То есть мы с вами. Ну что ж, попробуем в очередной раз защитить. И надеюсь, что защитим. Только вот кто нас-то защитит, Господи!

Леонид ФИЛАТОВ.